

ПРАВСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРАВОВОЙ РЕГУЛЯЦИИ ЖИЗНИ ОБЩЕСТВА В ФИЛОСОФИИ В. С. СОЛОВЬЕВА

В статье показаны взгляды Вл. Соловьева на проблему взаимосвязи морали и права, формулируются основные принципы нравственного обоснования права, предложенные великим русским мыслителем. Демонстрируется точка зрения, что Соловьев был ярким сторонником синтетической теории, которая исходит из обусловленности права нравственностью.

Ключевые слова: нравственность, право, нравственная философия, «возрожденное естественное право».

Вл. Соловьев (1853–1900), возможно, более известен как религиозный философ, как мистик, как поэт, чем философ права. П. И. Новгородцев в память о Соловьеве произнес следующие слова: «Тот, кто знает Соловьева по преимуществу со стороны его мистических созерцаний и стремлений, будет, конечно, удивлен, услышав, что он является блестящим и выдающимся представителем философии права» [1901. С. 3].

Соловьев стоит на той точке зрения, что право и нравственность одинаково важны для жизнедеятельности людей.

В России в конце XIX – начале XX в. шла широкая полемика вокруг вопросов о соотношении морали и права. Это привело к тому, что определились, своего рода, два «лагеря» мыслителей. Наблюдались две основные точки зрения сторонников «позитивного» и «естественного права» [Костин, 2007. С. 19–20].

Направление, известное под названием «возрожденного естественного права», возникшее в различных вариантах на рубеже XIX–XX вв., есть, своего рода, результат усиления философского идеализма [Пяткина, 1969. С. 101–102].

В зарубежной философии (в трудах И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля) теории, предлагавшие нравственную трактовку права, возникли приблизительно столетием раньше, чем в России.

У истоков утверждения синтетической теории права в России стоял В. С. Соловьев. Рассуждения других мыслителей естественно-правового направления (в том числе некоторых неокантианцев) об обусловленности права нравственностью, несмотря на определенные отличия, в целом строились в том же русле, что и у Соловьева. Данный подход разделяли П. И. Новгородцев, Е. Н. Трубецкой, А. С. Яценко, Б. А. Кистяковский, И. В. Михайловский. Знатоки отечественной юриспруденции Г. Ф. Шершеневич, Н. М. Коркунов, особенно – Б. Н. Чичерин, – неумолимо возражали тезисам синтетической теории права.

Соловьев, исследуя взаимосвязь права и нравственности, апеллирует к таким категориям, как свобода, равенство, справедливость. Он понимает право как свободу, обусловленную равенством [2001. С. 18].

Но для того чтобы право не было бесправием, синтеза свободы и равенства еще не достаточно. А. С. Яценко (1877–1934), излагая соловьевские взгляды, указывая на недостаточность свободы и равенства в праве, пишет: «Так свобода каждого обуславливается в праве не только равенством всех, но и действительными условиями самого равенства: не всякое ограничение, даже и равное, может образовать право (равенство всех евреев в Египте в умерщвлении новорожденных), необходимо справедливое ра-

венство, т. е. равенство в должном, а это уже входит в область нравственности. Следовательно, свобода не есть безусловно самостоятельный принцип нравственности, ибо ограничение свободы в праве есть ограничение всеобщее, и свобода является условной, обусловленной всеобщностью, т. е. равенством. Но и равенство тоже не есть безусловно самостоятельный принцип права, а условный, обусловленный справедливостью» [Яценко, 1999. С. 28]. «Справедлив и прав не тот должник, который равно отказывает в уплате всем своим кредиторам, а тот, который всем им равномерно уплачивает свой долг... Справедливость есть, несомненно, понятие нравственного порядка» [Соловьев, 2001. С. 24].

Соловьев отчетливо понимает, что в реальной жизни требования права и требования нравственности могут как совпадать между собой, так и не совпадать.

В ряде жизненных проявлений обнаруживается совпадение права и нравственности. Соловьев говорит о том, что убивать, красть, насиловать – одинаково противно и нравственному и юридическому закону. В то же время юридический закон запрещает не все вредные действия, а только некоторые из них, к остальным относясь безразлично. Таковы, например, сплетни, злословие и пр. [Там же. С. 24–25].

«Между правом и нравственностью существует тесная связь. Отличие же их сводится по Соловьеву, к следующему: 1) нравственность не ограничена в своих требованиях, право – ограничено; право есть лишь минимум нравственности; 2) право требует действительной реализации этого минимального добра, нравственность же может оставаться только идеальным требованием; 3) право, в отличие от нравственности, допускает принуждение», – отмечает Яценко [1999. С. 29].

Довольно удачным образом сравнение права и нравственности изображается на примере требования любви к врагам. Несомненно, что это требование принадлежит к области нравственности. Но и противоречия с правом тут нет. Соловьев расценивает указанное нравственное требование как неограниченное и всеобъемлющее, предполагающее стремление к нравственному совершенству: «Хотя закон юридический не требует нравственного совершенства, но и не отрицает его, и, запрещая кому бы то ни

было убивать и мошенничать, он не может да и не имеет надобности мешать кому угодно любить своих врагов; значит и тут нет никакого противоречия» [2001. С. 32–33]. С этой точки зрения право мыслится как «низший предел или некоторый минимум нравственности, равно для всех обязательный» [Там же. С. 33]. Несомненно, что в качестве минимума нравственности право регулирует не все, а только наиболее важные отношения между людьми.

Нравственные требования не предписывают заранее никаких внешних определенных действий. Говоря о нравственном требовании любви к врагам, Соловьев убеждает, что нравственность – понятие не вполне определенное. Задача исполнения заповеди любви к врагам, как выражение абсолютного совершенства, остается бесконечною. До конца не ясно, какие определенные действия необходимо совершить. Напротив того, юридическим законом предписываются или запрещаются вполне определенные внешние действия. Собственный интерес права представляет неприкосновенность жизни и имущества всякого человека и т. д. [Соловьев, 1988. С. 449]. Таким образом, нравственные требования (в том числе и любви к врагам), увы, не исчерпываются каким-то набором определенных прав или обязанностей. Они – бесконечны. Напротив, юридический закон имеет своим предметом реально определенные внешние действия, совершением или задержанием которых этот закон вполне удовлетворяется. Отсюда второй существенный признак права – непрямая реализация минимального нравственного добра [Соловьев, 2001. С. 33–34].

Как можно видеть, отличия требований нравственного и правового порядка обозначаются философом довольно четко. Нравственность не ограничена, право же ограничено вполне определенными предписаниями (например, запретительными нормами для убийств). Причем столь же очевидно и пересечение этих двух областей.

В качестве третьего отличительного признака права называется принуждение. Для обеспечения той же общественной безопасности принуждение просто необходимо. Соловьеву представляется неправдоподобным то, что одним словесным убеждением можно сразу прекратить все убийства, мошенничества и т. д. [1988. С. 450]. Действительно, нравственность обладает иными ин-

струментами воздействия на человека (например, порицание, общественное осуждение и т. д.), нежели право, так как нравственность обращена к совести человека. А это внутреннее чувство невозможно проконтролировать извне, оно остается невидимым. Даже внешнее законопослушное поведение члена общества еще не говорит о том, что совесть его чиста.

Нравственность тем самым представлена в качестве основания для права. Без нравственных принципов право ничем уже более не отличалось бы от произвола [Соловьев, 1988. С. 446]. Но нравственность без права существовать не может. Нравственность опирается на убеждения, взывание к совести, а право – на принуждение.

В конечном итоге, Соловьев выводит определение права в его отношении к нравственности с учетом соединения всех существенных признаков: *«право есть принудительное требование реализации определенного минимального добра, или порядка, не допускающего известных проявлений зла»* [Там же. С. 450].

Еще одним существенным признаком права, по Соловьеву, является справедливость. Объективно подходя к исследованию нравственности и права, он указывает на обязательность принудительной справедливости. Учитывая, что человек живет не один, а в обществе, Соловьев объективирует нравственные требования и обращает внимание на необходимость создания таких условий, при которых общественный интерес также был бы гарантирован правом и не зависел от субъективного чувства справедливости. Мыслитель дает понять, что перевес как индивидуального, так и общего интересов пагубен. Между двумя интересами должно быть равновесие. Принудительная справедливость видится неотъемлемым элементом права. *«Это требование справедливости принудительной привносится из идеи общего блага или общественного интереса, или – что то же – интереса реализации добра, для чего непременно нужно, чтобы справедливость была действительным фактом, а не идеей только. Степень и способы этой реализации зависят, конечно, от состояния нравственного сознания в данном обществе и от других исторических условий. Таким образом... право есть исторически-подвижное определение необходимого принудительного равновесия двух*

нравственных интересов – личной свободы и общего блага» – такова точка зрения Соловьева [Там же. С. 452–453].

Чичерин, не соглашаясь с Соловьевым, считал, что решение нравственных вопросов не совестью, а государством с применением принуждения есть посягательство на самые основы нравственности [Чичерин, 1990. С. 102]. Яценко приводит возражение Соловьева. *«Принудительная собирательная организация минимального добра, – писал в ответ на эту критику Соловьев, – (ибо только минимальное добро может быть принудительно организовано) образует область права; воплощение права есть государство. Принудительное добро есть граница и опора добра свободного или чисто нравственного... г. Чичерин вместе со мною признает необходимость принудительного добра. Он относит его всецело в область права, и с этим я могу только согласиться, ибо никакого принудительного добра вне правовой и государственной области я со своей точки зрения не признаю и никогда не признавал... определяя право в его общем отношении к нравственности, как ее принудительный минимум, я уже не мог распространить элемент принуждения за пределы юридической области в ту субъективную сферу, которая для г. Чичерина представляет всю нравственность или добро вообще, а для меня составляет добро и нравственность лишь в тесном, или собственном смысле. Когда я говорю о принудительном добре или о его принудительной организации, то я со своей точки зрения могу разумеать только ту окраину добра, которая подлежит юридическому определению и государственному охранению, которая допускает и требует принуждения, – словом, те минимальные требования доброго поведения и уважения к чужим правам и интересам, без обязательного исполнения которых невозможна жизнь общества, а следовательно, и никакая человеческая жизнь»* [1999. С. 31–32].

Правовое принуждение не направлено на формирование доброй воли, но особо опасное внешнее проявление злой воли оно призвано ограничивать. По мнению Соловьева, *«задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царство Божие, а только в том, чтобы он – до времени не превратился в ад»* [1988. С. 454].

При характеристике воззрений Соловьева на предмет правового регулирования, сле-

дует отметить, что он предельно ясно объясняет, почему право может иметь интерес только к тем серьезным нарушениям индивидуальной свободы, которые в то же время касаются и общего блага. По его мысли, невозможно определить все оттенки индивидуальной чувственности (например, к словесным обидам). Вл. Соловьев близок к правде, когда утверждает: «Многие чувствительные и самолюбивые люди согласились бы скорее быть ограбленными или даже изувеченными, нежели подвергнуться беспощадному злословию и клевете. А потому, если бы право имело в виду ограждение частного интереса как такового, то оно должно было бы в этих случаях ограничивать свободу клеветников и ругателей еще более, чем свободу грабителей и насильников» [2001. С. 43].

Вопросы морали и права, как нельзя более, пересекаются в уголовном вопросе, особенно если речь идет о применении смертной казни и пожизненных заключений. Соловьев – противник применения за уголовные преступления смертной казни либо пожизненных заключений. Наказание преступника, имеющее своей целью устрашение или возмездие, не принимается Соловьевым. Ведь в таком случае человек становится только «средством для наведения страха на других ради сохранения общественной безопасности» [Там же. С. 73]. Соловьев выступает за необходимость вразумления или исправления лиц, совершивших преступления. Сокращение видов преступлений, за которые смертная казнь все еще применялась в эпоху Соловьева, безусловно, воспринималось им с восхищением. Но применение высшей меры даже за самые тяжкие преступления (например, связанные с отнятием жизни) философом совершенно не одобрялось. Если преступника казнят за убийство, то убитого человека этим уже все равно не вернешь. И в этом случае, вопреки законам математики, минус на минус не дает плюс. Восполнения нарушенного охраняемого интереса здесь не наступает [Там же. С. 64–65].

Соловьев приводит вполне конкретные практические примеры, взятые из опыта Европы. В конце XIX в. в ряде европейских государств (в Англии, Австрии, Голландии, Швейцарии и пр.) смертная казнь была уже отменена. При этом число тяжких преступлений, за которые ранее полагалась высшая

мера, нисколько не увеличилось [Там же. С. 88–90].

Ясно и просто Вл. Соловьев излагает способы определения «нравственности» законов: «Так как сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага, то ясно, что этот последний интерес может только *ограничивать* первый, но *ни в каком случае не упразднять его*, ибо тогда, очевидно, равновесие было бы нарушено... Следовательно, законы, допускающие смертную казнь, бессрочную каторгу или бессрочное одиночное заключение, не могут быть оправданы с точки зрения юридической – они противоречат самому существу права. <...> Общее благо потому и есть *общее*, что оно в известном смысле содержит в себе благо всех отдельных лиц *без исключения*, иначе оно было бы благом большинства... Вообще, право в своем элементе принуждения к минимальному добру хотя и различается от нравственности в собственном смысле, но и в этом своем принудительном характере, отвечая требованиям той же нравственности, ни в каком случае не должно ей противоречить. Поэтому если какой-нибудь положительный закон идет вразрез с нравственным сознанием добра, то мы можем быть заранее уверены, что он не отвечает и существенным требованиям права, и правовой интерес относительно таких законов может состоять никак не в их сохранении, а только в их *правомерной* отмене [1988. С. 457–458].

Вместе с тем Соловьев не приемлет безразличного отношения к совершаемым злодеяниям. Он считает, что необходимо уважать право обижаемых на защиту, право всего общества на безопасное существование, наконец, право самого преступника на общественную помощь для его нравственного перевоспитания [2001. С. 114].

Взаимосвязь нравственности и права обнаруживается и в экономической сфере. Соловьевым отмечается, что право все более и более начинает соотноситься с нравственными нормами вопреки экономическим соображениям: «В течение двух с половиною веков в России помещики, отпускавшие на волю своих крестьян целыми общинами и при этом снабжавшие их земельным наделом, были самым редким исключением, тогда как обыкновенный порядок или “закон” взаимных отношений между помещиками и

крестьянами состоял в том, что последние вместе с землей составляли собственность первых. Но с замечательной быстротой и полнотой этот общий закон доброю волей правительства превращен был в практически невозможное беззаконие, а прежнее редкое исключение сделано безусловно обязательным правилом, уже не допускающим никаких исключений. Точно так же исключительный случай торговца, не повышающего цену необходимого товара при усиленном спросе, превращается в общее правило, как только правительство находит нужным регулировать цены товаров...» [1988. С. 409–410].

Как в вопросах уголовного права, вопросах экономических, так и во всех остальных рассуждениях, признание необходимости соответствия права нравственным нормам – основная мысль, пронизывающая все философско-правовое учение Вл. Соловьева.

В заключение можно отметить, что признание в современной России прав и свобод человека гражданина высшей ценностью, закрепление их конституционно, – вполне соотносится с тем, к чему призывал В. С. Соловьев. Неприменение по примеру Европы смертной казни в России хотя и стало возможным спустя почти 90 лет со времен Соловьева, но все же воплотилось в реальность. Как в нормативно-правовом регулировании стран Западной Европы нашли воплощение принципы философии И. Канта, так и в законодательстве постсоветской России постепенно находят выражение идеи

сторонников дореволюционной школы «возрожденного естественного права», в том числе и Вл. Соловьева.

Список литературы

Костин Ю. В. Опыт осмысления проблем соотношения права и нравственности в философии права дореволюционной России второй половины XIX – начала XX века // *Философия права*. 2007. № 3 (23).

Новгородцев П. И. Идея права в философии Вл. С. Соловьева (Речь, произнесенная на торжественном заседании Психологического общества в память Вл. С. Соловьева 2-го февраля 1901 года). М.: Типо-литография товарищества И. Н. Кушнерев и К°, 1901.

Пяткина С. А. Школа «возрожденного естественного права» в России // *Изв. вузов. Правоведение*. 1969. № 6. Ноябрь-декабрь.

Соловьев В. С. Право и нравственность. Минск; М., 2001.

Соловьев В. С. Соч.: В 2 т. / Сост., общ. ред. и вступ. ст. А. Ф. Лосева, А. В. Гулыги; примеч. С. Л. Кравца и др. М., 1988. Т. 1.

Чичерин Б. Н. О началах этики // *Философские науки*. 1990. № 1.

Яценко А. С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства / Вступ. ст., коммент. и сост. А. П. Альбова. СПб., 1999.

Материал поступил в редколлегию 14.06.2011

S. V. Khokhlov

MORALS AS THE BASIS OF LEGAL REGULATION OF SOCIETY IN VL. SOLOVYOV'S PHILOSOPHY

The article discusses Vl. Solovyov's views on the connection between the morals and the law and explicates the Russian thinker's approach to the moral justification of the law. Solovyov should be understood as a supporter of a synthetic theory emphasizing that the law is conditioned by morality.

Keywords: public morality, law, moral philosophy, «the renewed natural law».